

Шатохина Ольга Алексеевна

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРИНЦИП И. В. КАШПУРОВА

В данной статье рассматривается синестезия как творческий принцип известного ставропольского поэта И. В. Кашпунова. Под синестезией понимается эмоциональное восприятие мира, основанное на синтезе человеческих ощущений - зрительных, слуховых и т.д. Будучи поэтом преимущественно зрительного, живописного восприятия, Кашпунов создает немало произведений, в которых принимают участие и осязание, и обоняние, и зрение, и слух.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 201-206. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Но этикет требует сдержанности чувств. В то же время умершего уважают, даже если он и враг. Его жалеют, ему прощают грехи. При этом говорят: «*сынхуаразыщ*», т.е. доволен тобой. Прощение основывается на том, что большего наказания, чем смерть, уже не найдешь. Так этикетные предписания облагораживают поведение живых, а общечеловеческие ценности и идеи гуманизма получают в этикете форму конкретизации.

В качестве культурных установок, отраженных в исследованной ЯКМ, можно указать следующие: жить предпочтительно хорошо, долго, в достатке и в соответствии с этическими нормами; смерть – неизбежна, но встречать ее необходимо спокойно и с достоинством. Последнее для адыгской культуры особенно актуально и распространяется не только на того, кто уходит из жизни, но и на его окружение.

Список литературы

1. **Бабушкин А. П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.
2. **Бгажноков Б. Х.** Адыгская этика. Нальчик: Эль-фа, 1999. 96 с.
3. **Вежицкая А.** Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XII, 780 с.
4. **Кабардинские пословицы:** сб. / сост. З. П. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 2004. 152 с.
5. **Карасик В. И.** О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3–16.
6. **Кубрякова Е. С.** Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. **Лихачев Д. С.** Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
8. **Мафедзев С. Х.** Адыги: обычаи, традиции (Адыгэ хабзэ). Нальчик: Эль-фа, 2000. 360 с.
9. **Словарь кабардино-черкесского языка: Около 31000 слов** / Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1-е изд. М.: Дигора, 1999. 860 с.
10. **Шаов К. Г.** Адыгские пословицы и поговорки. Нальчик: Эльбрус, 1998. 224 с.

BINARY OPPOSITION “LIFE – DEATH” IN THE ADYGHE LINGUOCULTURE

Shardanova Madina Anuarovna, Ph. D. in Philology

Tkhagazitov Alim Mikhailovich

*Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
madisha777@yandex.ru*

The article aims to examine the peculiarities of representation of the universal concepts “life” and “death” in the Adyghe linguistic picture of the world. Analysis of the mentioned concepts indicates the exceptional relevance of the components of binary opposition; this conclusion is also justified by the wide lexicographical material. According to the research, the most important aspects of life are the style of life and its quality, and the key aspects of death are its inevitability and ability to accept death with dignity.

Key words and phrases: binary opposition; linguoculture; concept; linguistic picture of the world; phraseological unit.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В данной статье рассматривается синестезия как творческий принцип известного ставропольского поэта И. В. Кашпурова. Под синестезией понимается эмоциональное восприятие мира, основанное на синтезе человеческих ощущений – зрительных, слуховых и т.д. Будучи поэтом преимущественно зрительного, живописного восприятия, Кашпуров создает немало произведений, в которых принимают участие и осязание, и обоняние, и зрение, и слух.

Ключевые слова и фразы: синестезия; органы чувств; музыкальность; восприятие; стихотворение.

Шатохина Ольга Алексеевна, к. филол. н., доцент

*Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт
katena.vovk.93@mail.ru*

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРИНЦИП И. В. КАШПУРОВА[©]

В «Новом энциклопедическом словаре» (М., 2004) понятие «синестезия» трактуется как «явление восприятия, когда при раздражении данного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств (напр., “цветной слух” – звуковые переживания при восприятии цвета и т.п.)» [30, с. 1110].

Л. П. Егоровой «синестезия» объясняется как термин, «обозначающий параметры эмоционального восприятия мира, основанные на синтезе человеческих ощущений – зрительных, слуховых и т.д. В литературоведении

под синестезией понимается: 1) синтез художественных средств и приемов выражения, присущих разным видам искусства; 2) синтез (интеграция) искусства и науки, искусства и публицистики, искусства и др. областей культуры» [6, с. 280].

Из русских поэтов принцип синестезии наиболее ярко воплощал в своем творчестве Б. Л. Пастернак, о котором В. Альфонсов говорил, что он «не “взвешивал” по отдельности каждую составную и не “складывал” их в образ. У него действуют все пять чувств сразу, залпом» [2, с. 132].

Синестезия характерна и для Кашпулова, и явление это было подмечено давно, хотя при этом сам термин не упоминался. Так, Т. П. Батурина говорила о нем: «Слышит звучание степи и воспроизводит его в своих стихах. Ощущает ее запахи, и эти запахи вдруг ощутишь, прочитав посвященные степи строки. Видит безмерную ширь, и все краски поэтической палитры создают величественный образ» [4, с. 103].

У Кашпулова действительно много произведений, в которых мир представлен если не через восприятие всех пяти органов чувств сразу, то, по крайней мере, через большинство из них. Возьмем, к примеру, начало стихотворения «Канал»:

Степь и степь...
Дерева полынистый запах
да ветров азиатских
прерывистый храп [21, с. 78].

Здесь в первой строке поэтом представлена зрительная панорама («Степь и степь»), при создании второй он подключает уже обоняние («Дерева полынистый запах»), а в заключительных двух – слух: «прерывистый храп».

А вот стихотворение «Засыпает город», в создании которого приняли участие и осязание, и обоняние, и зрение, и слух:

Настоялся сумрак <i>теплой ночи</i> –	осязание
на летучем <i>аромате трав</i> . –	обоняние
Засыпает город мой рабочий, <i>улицы, как руки, разметав</i> . –	зрение
<i>Легкий ветер веет иван-чаем</i> , –	обоняние
<i>Тишина такая</i> – не вспугни. –	слух
Лишь вода днепровская качает <i>Бакенов манящие огни</i> [13, с. 134]. –	зрение

И, тем не менее, необходимо отметить, что из всех органов чувств Кашпулов больше всего доверяет глазу, он поэт преимущественно зрительного, живописного мировосприятия. На страницы его книг чаще выходит то, что можно увидеть: пейзаж, портрет, предмет, явление, событие:

Начало жатвы.
Я гляжу с кургана –
легла прокоса красная строка.
(«Комбайнерка» [17, с. 51]);

На горбину крутого кургана,
в четверть неба раздув пожар,
кто-то выкатил раным-рано
раскаленного солнца шар.
(«Утром» [22, с. 99]);

Я разных рук видал немало:
и щедрых очень, и скупых,
и беспокойных, и усталых,
безвольных, властных,
даже злых.
Встречал немало их, забытых,
холодных, жестких,
как металл.
Но вот таких больших, открытых,
таких надежных –
не видал.
(«Руки сталевара» [24, с. 16]).

«Любители поэзии сразу заметили: глаз у поэта зорок, мир подается в свежих, незахвачанных деталях и красках, так что привычные вещи и явления обретают новое освещение», – отзывался о Кашпулове А. Мосинцев [28]. «Кашпулов располагает богатой палитрой красок, помогающей читателю увидеть землю во всей красе», – подытоживал В. Алов [1]. И действительно, активность зрительных планов в произведениях поэта достаточно велика. Но это не означает, что другие органы в творческом процессе Кашпулова бездействуют или слабо задействованы. Нет, конечно, и они принимают участие в создании образных рядов, хотя и уступают в употребительности зрительным ассоциациям.

В произведениях Кашпулова обнаруживается целое пиршество запахов и ароматов. Не случайно Л. Анохина признавалась: «От стихов И. Кашпулова, когда я познакомилась с ними впервые, <...> повеяло запахами знакомых трав, певучих трав и очень ласковым ветром» [3, с. 78]. Приводимые ниже примеры убеждают, что впечатление критика было вполне закономерным:

Нам *чебрецовый* запах поля
медово голову кружит.
(«Июнь» [15, с. 54]);

В лицо повеет незнакомый ветер
Неведомыми запахами трав.
(«Баллада о степи» [26, с. 68]);

Горит стерня.
Слоистый дым полою
накрыл поля и хуторок вдали,
и *пахнет вечер*
горькою золою
и опаленной кожей земли.
(«Горит стерня» [25, с. 93]);

И по садам корой вишнёвой
запахла ранняя весна.
(«Весеннее» [11, с. 20]);

Полночь. Степь.
Над головой Стожары.
Цветут сады.
Чуть-чуть вздыхая, ветер
несёт *густой тягучий аромат.*
(«Цветут сады» [18, с. 44]);

На прокосах трава, провянув,
пахнет, словно грузинский чай...
(«Летом» [20, с. 215]).

Не только явлениям природы свойственны запахи, у Кашпулова ими обладает даже поэтическая строка: «Чтобы каждая строчка дышала тимьяном, / чтобы, слуха касаясь, касалась души» («У чабанского костра» [25, с. 119]). Именно по особому степному запаху лирический герой опознает своих земляков даже вдали от родных мест: «Иль *от каждого запах пшеницы / с тонким запахом сена идет*» («Земляки» [19, с. 32]).

В произведениях Кашпулова присутствуют и образы, в создании которых принимает участие осязание, но они встречаются заметно реже:

В знойной тишине на Ставрополье
Каждый колос в дреме утонул.
(«Тишина» [14, с. 87]);

И мягко под ноги ложится
отволглая за ночь трава.
(«Тяга земли» [Там же, с. 103]);

Ты мне вишенкой белой снилась
В прокопченном *сыром блиндаже,*
Ты заснеженной елью стыла
На моем огневом рубеже.
(«Ты» [16, с. 64]).

Логично, когда при изображении утренней зари ведущим мотивом выступает прохлада («Холодеют зори – нет на *стынь* управы») («Холодеют зори» [12, с. 118]), но неожиданно, когда ощущения первого боя передаются тоже через осязание: «Я их слышал уже. После первого боя, / в тишине, *леденящей и душу и кровь*» («Лунные флейты» [26, с. 24]). Через ощущение холода также передается состояние брошенной детьми матери: «Оттого-то в глазах материнских усталых / *вечно холод – зима и зима*» («Зима» [27, с. 130]) и описание ухода любимой: «Двери вязанной гневный выхлоп / и *по окнам прошел озноб*» («Ты ушла» [19, с. 34]).

Поэзия Кашпулова чрезвычайно наполнена звуками и шумами, на слуховых ассоциациях построено множество произведений:

У лесной полосы – ни души,
только *ветер в кустах шебаршит.*
(«У лесной полосы» [23, с. 85]);

Со звоном стеклянным колется
тонкий в копытцах ледок.
(«Идет на побывку солдат» [13, с. 208]);

За стеной сыпанула и стихла
каблуков твоих гневная дробь.
(«Ты ушла» [19, с. 34]);

Люблю я слушать, как звенят колосья!
Да, да – звенят в прямом значенье слова,
Звенят, когда их осторожный ветер
Перебирает пальцами...
(«Звенят колосья» [21, с. 49]).

У Кашпулова звуки и шумы издают не только балалайки, птицы, ветер, каблуки, что кажется естественным, но и травы, и деревья, и осень, и земля, и даже свет: «И рождается в небе звучание света, / словно лунные флейты печально поют» («Лунные флейты» [26, с. 25]). Любопытно, что даже рассвет, наступление утра поэт передает в основном через шумовые эффекты:

Ещё в глубоких балках сгустком
тяжёлый сумрак ночи стыл,
и за селом,
над речкой узкой
дремали тёмные кусты.
И доносилось издалёка
как птица крикнула в садах,
как возле мельницы потоком
звонящих струй
шумит вода,
а под разросшейся раkitой,
за частой щёткой камышей,
колхозный конюх деловито
свистел, скликая лошадей.
Вот где-то шаркнули метлою,
и тонко дзенькнула пила,
вот стадо гонят за рекою,
несётся говор из села.
Гудит мотор на дальнем стане,
перепелиный слышен бой,
и петухи,
во всю горланя,
рассвет встречают голубой.
(«Рождение дня» [20, с. 136]).

Вообще, о музыке в поэзии Кашпулова и музыкальности его поэтической строки нужно говорить отдельно, потому что это особая и самостоятельная тема. Л. П. Егорова такую постановку вопроса аргументировала тем, что названия некоторых произведений поэта («Калинка», «Лунные флейты», «Поющая степь», «Луговая музыка», «Музыка в лесу», «Скрипка в степи», «Полонез Огинского», «Мальчишечий оркестр», «Земля поет», «Поэма про гармонию») и даже сборников («Степные флейты», «Певучие травы», «Аппассионата», «Песня Калиновке») звучат специфично музыкально [7, с. 376].

«Много пишет Кашпуров о музыке, – отмечала Н. Капиева. – Музыка – та сфера, где он находит и свои открытия, и сильные слова для рассказа о судьбах народных, о вечно живых родниках народной души» [8, с. 79]. «Музыка – не только постоянная стихия, но и постоянный герой поэзии Ивана Кашпулова, – писала и Т. П. Батурина. – Она не только в музыкальности его формы, но существует самостоятельно как объект поэтического исследования и как субъект, определяющий движение внутреннего действия. Именно такова ее функция в ранних его работах, в поэме “Андреев” (1963) и “Поэме про гармонию” (1964), предворяющих в этом отношении “Аппассионату”. Человек, музыка и история – уже здесь намечается это характерное для Кашпулова триединство. <...> В известном смысле можно говорить о следовании блоковскому пониманию музыки как определенной исторической стихии, выражающей состояние народного духа» [5, с. 17]. В своих работах Т. П. Батурина представила прекрасную реализацию музыкальной темы в названных поэмах [4, с. 104].

Н. Капиева тоже отмечала певучий, музыкальный стих поэта, звучащий на многие лады и голоса [8, с. 79]. «Лирика Кашпулова необыкновенно музыкальна», – подтверждала и Л. П. Егорова позднее [7, с. 375]. В. Алов «музыкальность кашпуровской строфы» рассматривал на уровне фонетики: «Для автора характерна любовь к слову: одно из стихотворений он строит на сочетании “Елизаветинка – елезаметинка”, в другом позволяет нам на слух ощутить музыкальную прелесть слова “Кевсала”: “в нем ломкость веток саксаула и шорох гальки под ногой”» [1]. Эту же линию продолжала и углубляла Л. Анохина, приводя первые четыре строки стихотворения «Звенят колосья» и сопровождая их комментарием: «Заинтересованный читатель

может убедиться, что и в остальных 14 строках стихотворения из 15 автор пытается удержать звучание, заложенное в сочетании “звучат колосья”, повторяя звуки “з”, “с”, “ц”» [3, с. 78].

Отличительная особенность лирики Кашпурова, своеобразие его творческой индивидуальности заключается в том, что музыкальность становится чертой содержания и стиля, в его произведениях синтезируются живописность и музыкальность. По этому поводу О. Неретина говорила: «И. Кашпуров выступает не только как художник, посредством языка создающий зрительный образ степи. Он упорно, из произведения в произведение, творит музыкальное, если можно так выразиться по отношению к поэту, воплощение этого образа. Один из разделов сборника так и называется “Певучие травы”. Поэт слышит звуки земли и ветра, голоса полевых цветов и трав, они в его сердце сливаются в единую степную симфонию. И тогда рождаются в его душе такие мелодичные, с оригинальной ритмикой стихи, как “Луговая музыка”, “Поющая степь”, “Звенят колосья”, “Травы”» [29]. Ярким примером синестезии могут выступить не только названные произведения, но и такое стихотворение:

Оркестр метели исполняет Грига,
а может, это Григ звучит во мне.
Вот скрипки поднимаются до крика,
а вот валторны стонут в тишине...
Я не пойму, откуда эти звуки
в усталом и простуженном лесу,
где, распахнув немеющие руки,
деревья иней держат на весу;
где подсиненный снег – ольхе по пояс –
ручьи лесные до весны замел,
и беспокойный ветер, успокоясь,
в орешниковых зарослях замолк.
Но музыка настойчиво звучала,
захватывала сердце, как любовь,
и небеса белесые качала
над голыми вершинами дубов.
Я погружался медленно в дремоту,
я замерзал средь стынувших деревьев.
А мне метель воркующим фаготом
напоминала горлинки напев.
(«Оркестр метели исполняет Грига» [16, с. 62]).

Намеченная О. Неретиной проблематика находила свое продолжение и в рассуждениях Л. П. Егоровой: «Музыкальная тема Кашпурова – это, прежде всего, музыка, звучащая в природе: звучность тишины знойного дня, шуршание дождей, звон колосьев, грустной флейтою запевшие золотые ковыли – все это сливается в колоритный образ поющей степи. В такой обостренности слуха – близость к народным истокам. В “Поющей степи” поэт слышит распев хлебов и любовно вслушивается, как звенят колосья за каждым дуновением ветра. <...> Музыкальная тема решается поэтом в стихах не только о природе, но и о музыкантах (“Фролка Часовской”, “Поэма про гармонию”, “Андреев”), и о самой музыке, будь то музыка Грига или “Аппассионата”» [7, с. 376].

На конкретном примере покажем, как и в крупных поэтических созданиях синтезируются музыкальный и зрительный планы:

Андреев вышел
и опешил –
один средь сцены и огней.
Ужель и вправду так потешен
он с балалайкою своей?
Но пальцы бережно коснулись
упругих струн –
и вдоль реки,
впрягаясь в лямки,
потянулись
с надрывной песней бурлаки.
Потом родился
звон кандалный
и звон печальный бубенца,
и нет конца
дороге дальней,
как вьюжной ночи нет конца.
Но тут
метнулись пальцы броско,
страхнув со струн тоски снежок,
и словно в зал зашли березки
и стали весело в кружок,

и поплыли светло по сцене
под звуки русской плясовой,
а сами пахли
свежим сеном,
ромашкой, мятой луговой...
(«Андреев» [10, с. 50]).

Здесь передается не само звучание музыки, а зрительные ассоциации, которые эта музыка рождала. Сходный принцип используется Кашпуровым и в поэме «Аппassionата» [9, с. 21], где воспроизводится известная по очерку М. Горького «В. И. Ленин» сцена прослушивания Ильичом сонаты Бетховена в исполнении Исаия Добровейн. Данная поэма сложнее, потому что помимо ассоциативных зрительных рядов передает и игру музыканта, и звучание самой музыки, ее воздействие на человека и пространство. О синтетичности ее в свое время очень хорошо высказалась Т. П. Батурина: «Поэт создает настроение читателя, воздействуя, подобно музыканту, и на орган слуха, выстраивая словесный зримый образ звучащей музыки» [5, с. 16].

К этому добавим, что на слова стихотворения «Приглашение» была написана песня, прозвучавшая в художественном фильме «Непоседы». И это не единственная песня, созданная на стихи Кашпулова: сегодня более двадцати стихотворений поэта положены на музыку композиторами В. Иванниковым, Д. Осиневским, А. Уманцевым, В. Нашивочником, А. Дармастуком. И эти факты, на наш взгляд, подчеркивают и делают еще более очевидным не только живописность, но и музыкальность произведений И. В. Кашпулова.

Список литературы

1. Алов В. Поэзия – сплав чувства и ума // Кавказская здравница. 1969. 11 марта. С. 2.
2. Альфонсов В. Поэзия Бориса Пастернака. Л.: Сов. писатель, 1990. 368 с.
3. Анохина Л. «Душа движения просила» // Ставрополье. 1975. № 1. С. 76-80.
4. Батурина Т. П. Ожидание чуда // Батурина Т. П. Приглашение на стеклянную гору. Ставрополь, 1979. С. 98-112.
5. Батурина Т. П. Поэзия Ивана Кашпулова // Кашпуров И. В. Высокий свет: стихи и поэмы / ред. Ю. В. Забелло. Ставрополь: Кн. изд-во, 1982. С. 5-24.
6. Егорова Л. П. Выпускные квалификационные работы по русской литературе: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2009. 296 с.
7. Егорова Л. П. Иван Кашпуров // Егорова Л. П. Литературы народов Северного Кавказа. Ставрополь: СГУ, 2004. С. 367-378.
8. Капиева Н. Иван Кашпуров «Стихи» // Литературное обозрение. 1986. № 2. С. 79.
9. Кашпуров И. В. Аппassionата: поэмы. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1970. 68 с.
10. Кашпуров И. В. Аппassionата: поэмы. 2-е изд. Ставрополь: Кн. изд-во, 1977. 68 с.
11. Кашпуров И. В. Васина осень: стихи для детей. Ставрополь: Кн. изд-во, 1980. 31 с.
12. Кашпуров И. В. Версты: стихи и поэмы. Ставрополь: Кн. изд-во, 1967. 143 с.
13. Кашпуров И. В. Высокий свет: стихи, поэмы. Ставрополь: Кн. изд-во, 1982. 384 с.
14. Кашпуров И. В. Даль полынная: стихи, поэмы. М.: Современник, 1980. 110 с.
15. Кашпуров И. В. Дыхание степи: стихи. Ставрополь: Кн. изд-во, 1956. 78 с.
16. Кашпуров И. В. Крылья: стихи, поэмы. Днепропетровск: Промінь, 1964. 80 с.
17. Кашпуров И. В. Мои позывные: стихи. Запорожье: Кн. изд-во, 1961. 92 с.
18. Кашпуров И. В. Над седьми курганами: стихи. Ставрополь: Кн. изд-во, 1958. 116 с.
19. Кашпуров И. В. Нас обольщают сто дорог: стихи. Ставрополь: Краев. тип., 2000. 48 с.
20. Кашпуров И. В. Не за морями чудо: избр. стихи и поэмы. Ставрополь: Кн. изд-во, 1973. 224 с.
21. Кашпуров И. В. Обновление: стихи. Днепропетровск: Промінь, 1968. 87 с.
22. Кашпуров И. В. Осенний снег: стихи. Ставрополь: Кн. изд-во, 1969. 136 с.
23. Кашпуров И. В. Песня Калиновке: стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1985. 191 с.
24. Кашпуров И. В. Родины почетный сталевар: поэма. Запорожье: Кн. изд-во, 1959. 24 с.
25. Кашпуров И. В. Синий край России: стихи, поэмы, переводы. Ставрополь, 1979. 135 с.
26. Кашпуров И. В. Степные флейты: стихи и поэмы. Ставрополь: Кн. изд-во, 1976. 128 с.
27. Кашпуров И. В. Стихи. М.: Худ. лит., 1984. 280 с.
28. Мосинцев А. Певец родного Ставрополья // Кавказская здравница. 1984. 3 июля. С. 3.
29. Неретина О. Ставропольские напевы // Ставроп. правда. 1967. 23 нояб. С. 4.
30. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия: РИПОЛ классик, 2004. 1456 с.

SYNESTHESIA AS A CREATIVE PRINCIPLE OF I. V. KASHPUROV

Shatkhina Olga Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Nevnomysk State Humanitarian and Technical Institute
katena.vovk.93@mail.ru

The article examines synesthesia as a creative principle of the famous Stavropol poet I. V. Kashpurov. Synesthesia is considered as an emotional perception of the world based on the synthesis of human perceptions – visual, acoustic, etc. Being a poet of basically visual, pictorial perception, Kashpurov creates a lot of works in which tactile sense, sense of smell, vision and hearing equally participate.

Key words and phrases: synesthesia; sense organs; musicality; perception; poem.